

**THE ISLAMISTS IN
POLITICS IN EGYPT
AND TUNISIA AFTER
'ARAB SPRING'**

Irina Tsaregorodtseva
i.tsaregorodtseva@gmail.com

Irina Tsaregorodtseva

PhD in History, Associate Professor
of the School of Asian Studies, National
Research University Higher School
of Economics.

The pivotal goal of the study is to reveal the role of the Islamist parties and movements in politics in Egypt and Tunisia before and after the protests of the 'Arab spring'. In addition, author explains how various Islamist groups interacted with each other and which factors determined the nature of their interaction. According to preliminary observations, there were several common features in the character of Islamists' participation in politics in Egypt and Tunisia after the Mubarak and Ben Ali. By means of comparative analysis this research shows why Tunisian Islamists appeared to be more successful in politics than their Egyptian counterparts. The method of case-study was employed to investigate the relations between Islamist groups in 20 and 21 centuries. Eventually, the following conclusion was reached: these relations were highly determined not by common goals and ideological closeness of the Islamists, but rather by historical hostility towards each other and pragmatic interests.

Keywords: *Islamism, Arab Spring, politics, Muslim Brotherhood, Al-Nahda*

ИСЛАМИСТЫ В ПОЛИТИКЕ ЕГИПТА И ТУНИСА ПОСЛЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Ирина Царегородцева
i.tsaregorodtseva@gmail.com

Целью настоящего исследования было установить, какое положение занимали исламские партии и движения в политическом процессе Египта и Туниса накануне и после «арабской весны» и определить, как и почему складывались отношения между различными группами исламистов в этот период. Сравнительный метод использовался в данной работе не случайно: Египет и Тунис имеют немало общих черт с точки зрения участия исламистов во власти после свержения режимов Мубарака и Бен Али соответственно. Вместе с тем, опыт каждой страны оказался достаточно специфичным, что позволило составить представление о том, почему опыт тунисских исламистов стал более успешным. Благодаря ситуационному анализу были исследованы отношения между различными группами исламистов в двух государствах в XX и начале XXI веков и сделан вывод о том, что их отношения определялись не схожестью общих целей и близостью идеологий, а скорее историческим неприятием друг друга и прагматическими интересами.

Ключевые слова: Исламизм, «арабская весна», политика, «Братья-мусульмане», «ан-Нахда»

В конце 2010 — начале 2011 гг. в ряде стран арабского мира начались антиправительственные выступления, одним из главных требований которых стала смена политического режима и проведение демократических выборов. В средствах массовой информации, а также в историографии эти события получили название «арабской весны», хотя журналисты, эксперты и исследователи по-разному подходят к определению ее исторических границ, характера и содержания. Один из взглядов на «арабскую весну» заключается в том, что это череда социально-политических потрясений, которая началась на Ближнем Востоке на рубеже 2010-2011 гг. и в некоторых государствах продолжается до сих пор, перейдя в формат бесконечного военного конфликта.

События «арабской весны» можно считать завершенными в тех странах, где смена политической власти прошла относительно быстро и бескровно. На карте арабского мира таких государств только два — это Египет и Тунис. Протестные движения в обоих государствах начались в конце 2010 г. и разгорелись в начале 2011 г. К социально-экономическим лозунгам протестующих тогда добавились лозунги политические: проведение честных выборов, отмена несправедливых законов, отставка правительства, наконец, уход президентов. Президент Туниса Зин эль-Абидин Бен Али покинул страну в середине января 2011 г., президент Египта Хосни Мубарак подал в отставку в начале февраля того же года. В обоих странах подготовка к парламентским выборам началась с роспуска и запрета правящих

**Ирина Алексеевна
Царегородцева**

*Кандидат
исторических наук,
доцент Школы
востоковедения
Научного
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики».*

партий и легализации новых движений и партий. На политической карте Туниса и Египта впервые появились легальные исламские партии.

Наибольшей популярностью пользовались те партии, которые были сформированы на основе влиятельных исламских движений, бывших до того долгие годы в оппозиции режимам — это тунисское движение «Возрождение» (*ан-Нахда*) и египетское движение «Братья-мусульмане» (*ал-Ихван ал-Муслимун*, запрещено в РФ). Именно образованные на основе этих движений политические партии — тунисская Партия возрождения и египетская Партия свободы и справедливости (*ал-Хуррийа ва-л-Адаля*) завоевали больше всего голосов на выборах 2011-2012 гг. — около 37% в обоих случаях. Распределение мест в парламенте у партий, однако, оказалось немного иным в силу особенностей местных избирательных процессов: если члены Партии справедливости и развития в итоге заняли почти 44% депутатских кресел (вместе с «независимыми» кандидатами), то у тунисской Партии возрождения в парламенте получилось около 41% депутатских кресел. Общим для обеих стран опять стало то, что эти партии составляли все же менее половины депутатов парламентов и не могли в одиночку оказывать сильное влияние на работу законодательных органов.

Еще одной общей чертой политической жизни Туниса и Египта после смены режимов стало появление новых исламских партий. Они образовались на основе движений, которые ранее практически никак не проявляли себя в политике. В средствах массовой информации и новейшей историографии эти движения и партии получили название «салафитских». Это, например, египетские Партия света (*ан-Нур*), Партия фронта реформы (*Джабхат ал-ислах*). Тунисские «салафитские» партии были легализованы позже, уже после прихода к власти движения «Возрождение», но их появление тоже обозначило знаковую дифференциацию исламизма. Оставляя за скобками рассуждения о том, что несет в себе это определение — «салафитский» — и насколько точно оно отражает характер возникших в 2011 г. партий, отметим, что всех их объединяла неприязнь к исламистам в лице движения «Возрождение» и «Братьев-мусульман».¹ Эти новые партии в итоге оказались по разные стороны баррикад с партиями старыми. Но был ли их раскол предопределен с самого начала?

Корни исламизма

Исламизм, если понимать под этим политическую идеологию, основанную на принципах ислама, и политическое участие под знаменем этой идеологии, имеет в Египте более глубокие корни, чем в Тунисе. Египет вообще можно считать родиной исламизма, ведь именно там в 1928 г. появилось исламское движение «Братья-мусульмане», которое через несколько лет выросло в крупную политическую организацию, образцовую для многих возникших позднее исламистских движений². После запрета в 1954 г. «Братья-мусульмане» никак не участвовали в политической жизни страны вплоть до парламентских выборов 1987 г., однако их представительство в парламенте каждый раз оказывалось очень незначительным. Исключение составили выборы 2005 г., когда незави-

1. В то время как сами эти движения, как правило, не называют себя «салафитскими», в СМИ и многих академических изданиях они фигурируют именно под этим названием. В академической литературе нет четкого определения салафизма, не говоря уже о расхождениях историков с точки зрения датировки его начала. Безусловно, эта тема заслуживает отдельной работы. Для настоящего же исследования важно, что группы, называемые «салафитскими», стратегически и политически противопоставляют себя «Братьям-мусульманам» и/или группам, отпочковавшимся от этого движения.

2. Подробнее о политической эволюции движения см. классическую работу по этой теме: R.P. Mitchell «The Society of Muslim Brotherhood» (1959), а также монографию М.З. Ражбадинова «Египетское движение «Братьев-мусульман» (2004).

симые кандидаты от движения внезапно получили порядка 20% депутатских мест. Тогда политические аналитики заговорили о расцвете умеренного исламизма и предрекали Египту постепенное движение в сторону настоящей парламентской демократии. Этого, однако, не произошло. На последних перед началом «арабской весны» парламентских выборах правящая Национально-демократическая партия завоевала 81% депутатских мест, а «Братья-мусульмане» бойкотировали второй тур выборов и не прошли в парламент.

За годы политической борьбы до начала «арабской весны» движение «Братьев-мусульман» эволюционировало из подпольной организации с довольно радикальной идеологией и сомнительными связями в крупнейшую внесистемную оппозицию умеренного толка. Чем больше организация включалась в политический процесс, тем активнее вынуждена была подстраиваться под «правила игры», диктуемые властью и законом. Так, со временем из ее риторики практически полностью исчезли упоминания имени Сеййида Кутба, который был известен в 1960-х гг. в качестве главного апологета вооруженной борьбы против властей. Кроме того, в политическом лексиконе движения появились такие понятия, как «демократия», «представительный режим», «политический плюрализм» и т.д., притом, что основатель движения Хасана ал-Банни выступал против многопартийности. Несмотря на такую эволюцию, вплоть до 2011 г. организация была официально запрещена. В парламентских и местных выборах она участвовала, выдвигая своих кандидатов как независимых. Власти регулярно чинили препятствия оппозиции и пользовались административными ресурсами, не допуская ее усиления в парламенте, поэтому понять, каким был уровень поддержки «Братьев-мусульман» до начала «арабской весны», точно невозможно, хотя, по мнению ряда исследователей, он был довольно высоким (Wickham, 2005).

Были ли в Египте до «арабской весны» другие исламские движения, участвовавшие в выборах, как и «Братья-мусульмане»? Было только одно — это Партия центра (ал-Васат), которую образовали бывшие члены «Братьев-мусульман», разошедшиеся со своими товарищами по идеологическим вопросам. Так, например, в программе Партии центра было сказано, что копты и женщины могут баллотироваться на пост президента Египта, тогда как «Братья-мусульмане» считали это несовместимым с принципами ислама (Hizb al-wasat...). В целом, Партии центра не удалось предложить избирателям что-то принципиально новое. Кроме того, несмотря на публичный разрыв с «Братьями-мусульманами», она так и не смогла добиться от властей официального признания.

Помимо этих исламских движений, позиционирующих себя в последние годы в качестве участников демократических процедур, в Египте до «арабской весны» были представлены другие исламские организации и группы, в выборах не участвовавшие. Условно и очень приблизительно их можно разделить на два направления — (1) террористические организации исламского толка и (2) аполитичные организации проповеднического толка. Отличаются они друг от друга, как следует из этой типологии, избранными методами: если первые призывали к установлению исламского порядка путем вооруженной борьбы, то вторые полагали, что вернейший путь к этому — проповедь и исламское образование. В историографии первую группу еще иногда называют «джихадистами», а вторую — «сафитами» (Ashour, 2009).

«Джихадистские» организации процветали в Египте, начиная примерно с конца 1960-х и до начала 1980-х гг. Именно на этот период приходится активизация таких известных группировок, как «Обвинение в неверии и уход» (*ат-Такфир ва-л-Хиджра*), «Джихад» и др. (запрещены в РФ). С приходом к власти Хосни Мубарака (который, кстати, был

вице-президентом при убитом исламистами Анваре Садате) государство начало жесткую борьбу с терроризмом, в ходе которой практически все самые опасные экстремисты были выдавлены из страны. Этому способствовала и начавшаяся в Афганистане война «правовверных мусульман» против советских войск, которая оттянула часть радикально настроенных исламистов из арабских стран. В целом, 1990-е и 2000-е гг. были периодом относительного затишья, когда борьба с терроризмом велась египетскими властями в основном на дальних подступах. Досталось, впрочем, и «Братьям-мусульманам», которые, несмотря на публичное осуждение терроризма, оставались на подозрении у государства.

Аполитичные исламские организации существуют в Египте достаточно давно. В 1912 г. была создана первая такая организация под названием «Законная лига» (*ал-Джамиййа аш-Шариййа*). Она занималась в основном религиозным просвещением в духе ислама и социальной работой. Благодаря своей подчеркнутой аполитичности «Законная лига» никогда не испытывала на себе репрессий властей. В 1926 г. появилось похожее движение под названием «Ассоциация сторонников сунны Мухаммада» (*Ансар ас-сунна ал-мухаммадиййа*). Как и «Законная лига», она держалась в стороне от политики.

Некоторые исследователи называют эти организации «салафитскими» и делают акцент на их пацифизме (Ashour, 2009). Между тем, в 1970-х гг. в Египте появилось движение под названием «Салафитский призыв» (*ад-Дава ас-Салафиййа*), которое по характеру своей деятельности весьма отличалось от «Законной лиги» и «Ассоциации сторонников сунны Мухаммада». Организация «Салафитский призыв» образовалась на базе молодежных ассоциаций, которые получили название «Исламских сообществ» (*ал-Гамаат ал-Исламиййа*). Эти довольно политизированные «сообщества» (гамааты, или джамааты) были очень активны в студенческой среде и часть их (в том числе, позднее «Салафитский призыв») пыталась противостоять влиянию «Братьев-мусульман». Таким образом, одной из основных их целей было лишить «Братьев-мусульман» поддержки среди молодежи.

В чем была причина такого соперничества? Коротко говоря, она заключалась в неприятии предлагаемой «Братьями-мусульманами» «исламской альтернативы» и выбранных ими демократических методов борьбы. Активисты «сообществ» допускали, что в определенных случаях борьба может быть вооруженной, если цель ее — свержение неугодного, несправедливого правителя. «Братья-мусульмане», наученные горьким опытом репрессий 1950-60-х гг., напротив, старались успокоить своих сторонников, говоря о том, что еще не время для установления исламского порядка, а вооруженный способ борьбы — средство крайне редкое. Не удивительно поэтому, что деятельность «Салафитского призыва» вызывала опасения у властей, которые пытались ее ограничить и поставить под свой контроль. Между тем, несмотря на свою политизированность, активисты «Салафитского призыва» в конце XX и начале XXI вв. вели довольно осторожную идеологическую пропаганду и избежали массовых репрессий. Одним из мощных факторов поддержки этой организации выступала помощь из Саудовской Аравии, которую лидеры «Салафитского призыва» ставили в пример как наиболее приближенное к идеалам исламского порядка модель государства и общества (Царегородцева, 2014, 18).

История исламистских движений в Тунисе не такая глубокая, как в Египте, хотя после событий «арабской весны» появились новые подходы в определении ее начала. Согласно самой распространенной точке зрения, корни тунисского исламизма уходят в 1970-е гг., когда на волне экономической стагнации и секуляризма в эпоху президента Хабиба Бур-

гибы в стране стали возникать исламские молодежные группы. Одним из их лидеров стал Рашид ал-Ганнуши — пожалуй, самый известный сегодня исламист тунисского происхождения. Оппозиционеры выражали недовольство политикой Бургибы, в особенности, в сфере религии и права. В конце 1970-х гг. исламисты организовали совместную с Всеобщим тунисским союзом труда забастовку с социально-экономическими требованиями, однако, в дальнейшем их пути разошлись.

В 1981 г. образовалась первая массовая исламская организация — движение «Исламская направленность» (*ал-Иттиджах ал-Ислами*), которая, как и «Братья-мусульмане» в Египте, сразу встала в оппозицию власти. Отличие между двумя организациями состояло в том, что в то время как «Братья-мусульмане» еще в 1970-х гг. публично отреклись от силовых методов борьбы за власть, движение «Исламская направленность» (ДИН) в 1980-х гг. от них не отказывалось (Видясова, 2015, 261). Это позволяло тунисским властям списывать практически любую террористическую угрозу на ДИН и завинчивать сильнее гайки против этого движения, набравшего, вопреки всему, популярность среди недовольных политикой властей. Перемирие в отношениях между властью и исламистами в Тунисе наступило с приходом к власти Бен Али в 1987 г. Через полтора года ДИН изменило название на «нейтральное» — «Возрождение» (*ан-Нахда*), рассчитывая обойти официальный запрет на создание партий на религиозной основе. Однако власти не спешили. В 1989 г. в парламентских выборах кандидаты от движения «Возрождение» участвовали как независимые и, по разным оценкам, получили от 10 до 17% голосов по стране.

События в соседнем Алжире положили конец перемирию. В начале 1990-х развернулась активная кампания по борьбе с исламизмом в Тунисе, которая привела к тому, что все или практически все видные исламисты покинули страну, а на тех, кто остался, обрушились репрессии. Фактически можно говорить о разгроме «демократического исламизма» в Тунисе. Все последующие годы вплоть до начала «арабской весны» исламисты в выборах не участвовали. Расчищенное от них поле стало постепенно заполняться радикальными организациями, которые с началом нового тысячелетия не раз давали о себе знать в казавшемся когда-то благополучным на фоне других стран региона Тунисе. Среди радикалов начала 2000-х гг. особенно выделилась организация «Салафитская группа проповеди и борьбы» (*ал-Джамия ас-Салафиййа ли-д-дава ва-л-кытал*) — будущая «Аль-Каида в странах Исламского Магриба», которая действует в странах Северной Африки с конца 1990-х гг. Собственно о чисто тунисских радикальных организациях в это время ничего не известно, хотя есть свидетельства участия тунисцев в региональных и зарубежных террористических движениях в 1990-х и начале 2000-х гг.

Как и в Египте, в Тунисе существуют также и иные виды исламских групп, которые не относятся ни к избравшим демократические методы борьбы исламистам, ни к террористическим организациям. Как правило, в современных СМИ и историографии они называются «салафитскими». Есть, например, группы, которые занимаются исключительно религиозным просвещением, причем, в отличие от Египта, в Тунисе они не составляют единые организации и образуются преимущественно вокруг одной мечети или в рамках одного квартала (ан-Назыф, 2013).

Но есть и сторонники более активных действий, по представлениям которых для установления истинно исламского порядка недостаточно заниматься только религиозной пропагандой. К таковым относится, например, движение под названием Тунисский исламский фронт (*ал-Джабха ал-Исламиййа ат-Тунисиййа*). Оно было основано в 1988 г.

«суруритами» — сторонниками шейха Мухаммада Сурура, богослова сирийского происхождения. Об учении шейха Сурура практически ничего не известно на Западе несмотря на то, что в ряде мусульманских стран оно существует уже несколько десятилетий. Небольшое представление о нем имеют и арабские исследователи. В целом «суруризм» характеризуется ими как комплекс идей, почерпнутых из доктрин средневекового мусульманского ученого Ибн Таймийи и идеолога радикального ислама XX века Сеййида Кутба (ан-Назыф, 2013); однако вопрос о том, какие именно идеи этих идеологов были взяты за основу «суруритами», еще требует отдельного исследования. Пока что можно утверждать, что современные «суруриты» не отвергают демократические методы борьбы: одна из первых исламских партий, легализованных в Тунисе после прихода к власти Партии возрождения, возникла именно на основе Тунисского исламского фронта в 2012 г. Впрочем, до начала «арабской весны» это движение в политической жизни страны никак себя не проявляло.

Таким образом, еще до начала «арабской весны» спектр исламских движений Египта и Туниса был достаточно широк, несмотря на то, что действия властей были направлены на подавление исламской оппозиции. В Тунисе протест против действий государства со стороны исламистов был перенесен в основном в формат терактов, а также словесной критики со стороны «исламистов в изгнании», лидером которых был проживавший в Великобритании Рашид ал-Ганнуши. В Египте «исламский протест» принял более конструктивный характер благодаря участию «Братьев-мусульман» в демократических выборах. Одновременно в Египте и Тунисе формировались и развивались группы, скептически относившиеся как к опыту демократического участия исламистов, так и к террористическим методам. Эти группы не привлекали практически никакого внимания исследователей до тех пор, пока в обоих государствах не началась «арабская весна».

ПЕРЕМЕМЫ

У крупнейших исламских движений Египта и Туниса — «Братьев-мусульман» и «Возрождения» — был опыт участия в протестных движениях и до начала «арабской весны». Тунисские исламисты еще в 1970-х гг. выходили на забастовки совместно с Всеобщим тунисским союзом труда (Видясова, 2015, 260); однако, после разгрома движения в начале 1990-х его участие в социальной жизни страны было практически сведено на нет. Египетские исламисты совместно с левыми и молодежными движениями участвовали в забастовках и демонстрациях с социально-экономическими лозунгами регулярно с 1990-х гг.

Несмотря на такой опыт, ни то, ни другое движение не были ведущей силой первой фазы протестов 2010-2011 гг.; основным триггером уличных демонстраций стали молодежные движения преимущественно светского характера. Здесь было бы уместно сослаться на слова российского политолога-арабиста К. Труевцева (2012), который, на наш взгляд, в целом очень точно отразил ситуацию не только в Тунисе, но и в соседнем Египте: «В том, как сложилась политическая в Тунисе ситуация после свержения диктатуры З. Бен Али, ряд аналитиков не без основания усматривает некий парадокс: ударной силой восстания, в каком-то смысле его авангардом, была первоначально либерально-демократически (прозападно) настроенная молодежь, а политический выигрыш от него получили прежде всего исламистские силы». Действительно, официальное руководство движений поддержало «арабскую весну» лишь спустя какое-то время,

хотя отдельные молодежные группы, ассоциированные с «Братьями-мусульманами» и «Возрождением», принимали участие в протестах с самых первых дней. Исламисты, как и многие другие, не ожидали столь стремительного поворота событий и пытались тщательно просчитать свои действия — этим может объясняться заминка в их реакции на стремительно развивавшиеся уличные протесты.

В силу разрозненности и разношерстности протестного движения, а также нехватки времени для консолидации молодежных групп в преддверии назначенных на конец 2011 г. парламентских выборов в Египте и Тунисе, фаворитами предвыборной гонки стали те партии движения, которые уже имели опыт массовой мобилизации и участия в выборах и находились в оппозиции при Мубараке и Бен Али.

В Египте такой силой стало движение «Братьев-мусульман». Оно имело достаточно продолжительный опыт политического участия (с середины 1980-х гг.), хорошо владело инструментами мобилизации масс (через участие в социально-экономических протестах и социальную работу с беднейшими слоями населения), имело готовую политическую платформу, откликающуюся на многие острые для Египта проблемы, опыт оппозиционной работы в парламенте 2005-2010 гг., а главное — ореол мученика прежнего режима. В апреле 2011 г. впервые в истории Египта была зарегистрирована партия «Братьев-мусульман». Она получила название Партия свободы и справедливости, а ее лидером стал Саад ал-Кататни, который в 2005-2010 гг. возглавлял парламентский блок «Братьев-мусульман». По оценкам ряда экспертов, а также лидеров движения, Партия свободы и справедливости могла получить на предстоящих выборах около половины голосов.

В Тунисе движением с практически аналогичным набором преимуществ перед многими другими политическими силами стало «Возрождение». Отличие тунисских исламистов от египетских заключалась в том, что движение «Возрождение» не принимало участия в выборах в Тунисе с конца 1980-х гг. и все эти годы вело оппозиционную деятельность преимущественно из-за рубежа. Вместе с тем, это представляло одновременно и сильную сторону «Возрождения». «Братья-мусульмане» все предыдущие годы хотя и находились в оппозиции режиму, все же «играли по его правилам», участвуя в парламентских и местных выборах. «Возрождение» же в этом отношении упрекнуть было не в чем. Вот кто по-настоящему пострадал от режима Бен Али, ведь с начала 1990-х гг. движение было практически полностью репрессировано в Тунисе и запрещено. В конце января 2011 г. в Тунис после долгого отсутствия вернулся бессменный лидер «Возрождения» Рашид ал-Ганнуши, и движение стало готовиться к парламентским выборам. 1 марта на его базе была зарегистрирована партия с аналогичным названием. Генеральным секретарем Партии возрождения стал Хамади ал-Джабали, отсидевший при Бен Али 14 лет по обвинению в попытке организации переворота. Согласно предварительным опросам, Партия возрождения считалась фаворитом предвыборной гонки в Тунисе.

Но Партия свободы и справедливости и Партия возрождения не были единственными исламскими партиями в своих странах. В течение 2011 г. регистрацию получили еще несколько партий, программы которых были основаны на исламских принципах.

В Египте их было больше. Это, прежде всего, Партия центра, о которой уже говорилось выше. Кроме того, было зарегистрировано еще несколько партий, основанных бывшими членами «Братьев-мусульман», которые откололись от движения в силу разных причин (от идеологического расхождения до личного конфликта с руководством «Братьев-му-

сультман») — таких партий насчитывалось более 10. Наличие такого количества идеологически близких «Братьям-мусульманам» политических партий, безусловно, оттягивало от материнской организации часть электората. Появились и другие партии с исламским характером, которые отношения к «Братьям-мусульманам» не имели и вообще позиционировали себя как новое явление в политической жизни Египта. В СМИ и историографии они получили название «салафитских» — в силу того, что их идеология, как правило, была построена на отрицании «ихванизма» (стратегии и идеологии «Братьев-мусульман») и более религиозно-консервативных взглядах на острые политические и социальные проблемы египетского общества. Таких партий тоже насчитывалось более десятка; практически все они носили довольно непривычные для политических партий названия с морально-этическим подтекстом. Наиболее крупные из них: Партия света, Партия самобытности (*ал-Асала*), Партия добродетели (*ал-Фадья*) и многие другие. Наконец, в Египте было зарегистрировано несколько партий, связанных с распространенными в государстве суфийскими орденами. Их объединяло одинаковое неприятие как «ихванизма», так и «салафизма». Самыми известными из них стали Партия египетского освобождения (*ат-Тахрир ал-Мисрий*), образованная на базе тариката Азимийя, а также Партия голоса свободы (*Саут ал-хуррийя*) — на базе тариката Рифаййа, и др.

В Тунисе не было такого разнообразия новых, и в том числе исламских, партий, как в Египте. Тунисское общество более однородно в религиозно-организационном отношении: в нем нет такого, как в Египте, количества религиозных институтов, групп и движений. Кроме того, большая часть тех, кого сегодня называют «салафитами», не состоит ни в каких крупных организациях, а группируется в основном вокруг квартальных мечетей, которых по стране — великое множество. Наконец, в силу особой исторической судьбы, тунисское общество в целом менее исламизировано, чем египетское, популярность исламской идеологии не так высока, а группы, выступающие против усиления влияния ислама в государстве и обществе, более мощные и многочисленные, нежели в Египте. Кроме Партии возрождения к парламентским выборам 2011 г. готовились следующие исламские партии, прозванные в СМИ «салафитскими»: Партия фронта реформы (*Джабхат ал-ислах*) и Партия справедливости и развития (*ал-Адала ва-т-Танмийя*), однако они так и не смогли добиться регистрации. Лидеры Партии фронта реформы в 1980-е гг., как и лидеры «Возрождения», входили в ДИН, но затем их следы на некоторое время затерялись за границей, в том числе в «джихаде» против советских войск в Афганистане (Marks, 2012). В целом, по мнению экспертов, «салафитское» движение имеет довольно небольшое влияние в тунисском обществе (Mahzab, 2011). Таким образом, Партия возрождения стала единственной исламской партией на выборах в Тунисе в 2011 г. и единственной исламской партией в парламенте созыва 2011-2014 гг. Пройдя в парламент, она образовала ведущую парламентскую коалицию — Тройка — с Конгрессом за республику и Демократическим форумом за труд и свободы. Коалиция заняла 138 депутатских кресел из 217 (почти 64%) и получила возможность оказывать решающее влияние на работу тунисского парламента.

Распределение исламских партий по политическим блокам накануне выборов 2011 г. в Египте в целом отражало идеологические и политические расхождения между этими партиями, а также личные конфликты или взаимное неприятие между их лидерами. Партия свободы и справедливости стала лидером «Демократического блока», в состав которого вошли также еще четыре небольших партии, из них только одна — Исламская партия труда (*ал-Амал ал-Ислами*) — возводила свою идеологию к исламским принципам, а три

других были светскими. Исламская партия труда, созданная еще в конце 1970-х гг., изначально придерживалась чисто социалистической идеологии, однако в середине следующего десятилетия постепенно стала превращаться в исламистскую. До 2011 г. она уже несколько раз образовывала политические союзы с «Братьями-мусульманами», так что ее можно назвать одной из наиболее близких им движений. Интересно, что идеологически и исторически гораздо более близкие «Братьям-мусульманам» партии и группы «ихванистского» толка вошли в блок Союз продолжения революции — это Партия египетского направления (*ат-Тайар ал-Мисри*) и Коалиция революционной молодежи (*Тахалюф шабаб ас-саура*), к которой примкнула в том числе группа представителей молодого поколения из «Братев-мусульман». Партия центра участвовала в выборах самостоятельно. Так называемые «салафитские» партии также отказались вступать в союз с «Братьями-мусульманами» и вошли в разные другие политические блоки. Самые крупные из них — Партия света, Партия самобытности и Партия строительства и развития (*ал-Бина ва-т-Танмиийа*) — образовали «Исламский блок».

«Демократический блок», как и прогнозировалось, получил больше всего мест в парламенте — 45% мандатов. Но самой большой неожиданностью стало то, что «Исламский блок», составленный из партий и движений, не принимавших никакого участия в политике до 2011 г., стал второй по влиянию коалицией в египетском парламенте и занял 25% депутатских кресел. Партия центра получила всего 2%, а Союз продолжения революции — 1,6%. После окончания выборов в СМИ появился ряд статей с громкими заголовками вроде «Исламистские партии в Египте выиграли парламентские выборы», или «Египетские исламисты заняли 75% мест в парламенте». Однако в реальности союза между исламскими партиями в египетском парламенте так и не получилось — сказались давние противоречия между исламистами, и появившиеся в то время алармистские заголовки можно считать типичным журналистским преувеличением.

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

После формирования нового состава парламентов в Тунисе и Египте началась подготовка нового проекта конституции. Расклад сил в законодательных органах этих государств отразил глубокую дифференциацию политических настроений после начала «арабской весны»: ни одна из партий-фаворитов предвыборной гонки не смогла заработать и половины голосов, а в парламентах оказалось непривычно большое число партий. Для сравнения: в египетский парламент 2012 г. прошло 15 партий, тогда как в 2010 их было 10, а в 2005 — 6; в тунисский парламент 2011 г. вошло 19 (!) партий, тогда как в 2009 и 2004 гг. их было по 7. Такой расклад сил указывал на то, что и обсуждение будущих конституций предстояло не из легких. Тунисская Тройка, возглавляемая Партией возрождения, обещала представить новую конституцию в течение года; похожий срок был определен и в Египте.

Новые парламенты избрали Конституционные ассамблеи (КА), в состав которых вошли в том числе и исламские партии из. В Египте из 100 членов второго состава КА (первый был распущен) 16 кандидатов оказались от Партии справедливости и развития, 8 — от Партии света и 1 — от Партии центра. В ходе обсуждения проекта конституции возникли значительные противоречия между «исламскими» и «светскими» членами КА. Результатом этих противоречий стал бойкот работы КА со стороны части светских и либеральных представителей и, соответственно, усиление влияния в ней исламистов. В ко-

нечном итоге, недовольными конституцией оказались практически все, кроме «Братьев-мусульман» и Партии света. Фактически это был первый случай стратегического союза исламистов после волны протестов «арабской весны», и характер конституции 2012 г. это отчасти отразил. Статья 2, провозглашавшая «принципы шариата основным источником законодательства», сохранилась в неизменном виде, однако, под давлением исламистов была добавлена статья 219. Она гласила: «Принципы шариата включают в себя общие доводы, неизменные юридические правила и источники, признанные суннитскими религиозно-правовыми школами» (Nass al-Dustur...). Такая формулировка ограничивала понятие «принципов шариата», которое ранее могло толковаться максимально широко, и сводила его по сути только к суннитской версии исламского права, хотя некоторые исламские духовные институты и лица уже достаточно давно признавали правомерность обращения и к шиитской правовой школе джафаритского толка. Кроме того, она подчеркивала неизменный (*усули*) характер принципов шариата, а также особую роль в нем фикха как системы конкретных правовых предписаний (в противопоставление шариату как, прежде всего, системе общих религиозно-нравственных ориентиров). Недостаточной ролью ислама и шариата в конституции 2012 г. среди исламистов остались недовольны внесистемные движения, не участвовавшие в политических событиях тех лет (Halawa, 2012).

Бурное обсуждение проекта новой конституции проходило на фоне непростых президентских выборов, где ни один из кандидатов не обладал безусловной поддержкой хотя бы половины политических сил в стране. Только одна исламская партия выдвинула в итоге своего кандидата — от Партии справедливости и развития в выборах принимал участие Мухаммад Мурси. Его поддержали далеко не все исламисты: в выборах также участвовал экс-член «Братьев-мусульман» Абдель Монем Абу ал-Футух, привлечший на свою сторону тех, кто был недоволен «Братями-мусульманами». Он получил поддержку Партии света, Партии центра и Партии египетского направления. Таких разных по своему «окрасу» исламистов во многом сплотило неприятие «Братьев-мусульман» и в частности выдвинутого от этого движения кандидата — многим, мягко говоря, не симпатичного, особенно на фоне первого кандидата от Партии справедливости и развития Хайрата аш-Шатыра (дисквалифицирован в мае 2012 г.). Баллотироваться пытался и еще один интересный персонаж — Хазем Салах Абу Исмаил, ни к одному крупному исламскому движению не принадлежавший, но названный в СМИ «кандидатом-салафитом». Ему было отказано в регистрации по причине того, что его мать была гражданкой другого государства, а это запрещено египетским законом о выборах.

В результате непростой борьбы за президентское кресло по итогам второго тура победу с незначительным перевесом одержал Мухаммад Мурси. Ирония его победы заключалась в том, что кандидат-исламист выиграл всего каких-то 4% у Ахмада Шафика — человека, который служил в правительстве при Хосни Мубараке и по сути олицетворял собой прежний режим, с которым боролись протестующие в начале 2011 г. Победу кандидата-исламиста омрачали и другие обстоятельства, в частности, относительно невысокая явка на выборах — около 46 и 52% в первом и втором турах, соответственно, а также отсутствие широкой поддержки со стороны других политических сил, в том числе, исламских.

Системные исламисты различных мастей не выразили явного недовольства победой Мурси, но и одушевленной поддержки ему не оказали. Единственным позитивным для «Братьев-мусульман» моментом стал их консенсус с Партией света по поводу проекта новой конституции. В остальном отношения «Братьев-мусульман» с другими

исламскими движениями и партиями были напряженными. Не в меньшей степени этому способствовали и первые шаги Мурси в качестве президента. Так, в правительстве Хишама Кандиля, сформированном в августе 2012 г., помимо членов Партии справедливости и развития, практически не оказалось иных исламистов, кроме государственного министра по делам парламента Мухаммада Махсуба (Партия центра) и министра промышленности и торговли Хатема Салеха (Партия возрождения). Состав нового правительства совершенно не отражал состав парламента, в частности, знаковое представительство в нем так называемых «салафитских» партий, и потому спустя всего месяц после работы нового кабинета министров Партия света поставила вопрос о доверии правительству, назвав его «некомпетентным» (Salafist Shura Council, 2012). Что касается суфийских политических сил, то победу Мурси они также встретили прохладно и, несмотря на попытки нового президента примириться с ними, предпочли уйти в оппозицию. Конституция-2012 была ими также отвергнута и раскритикована, поскольку, по словам представителей Партии египетского освобождения, была «порочной и провальной, опиралась на принцип *вилаят ал-факих* и узаконивала произвол вооруженной полиции» (Царегородцева, 2014, 32). Таким образом, режим Мурси постепенно оказался в политической изоляции со стороны ведущих исламских сил страны, а сами «Братья-мусульмане» не смогли сформировать прочную политическую коалицию на основе близких им сил и движений. Отстранение Мухаммада Мурси от власти военными в июле 2013 г. было встречено негласной поддержкой всех исламистов, исключая, разумеется, «Братьев-мусульман».

Тунису удалось избежать столь мучительного перехода от старого порядка к новому, хотя переходный период в этой стране тоже оказался насыщенным конфликтами и разногласиями. Отсутствие такого широкого спектра политических партий исламского толка, как в Египте, сыграло в этом как положительную, так и отрицательную роль. Положительным моментом было то, что у Партии возрождения не оказалось сильных оппонентов среди идеологически близких ей политических сил, и в этом смысле ее авторитет как представителя исламистского авангарда был изначально выше, чем у египетских «Братьев-мусульман». Отрицательным моментом стало то, что партия могла рассчитывать только на поддержку светских партий, но в их числе не было тех, кто стремился сделать Тунис более исламской страной; это означало, что Партии возрождения предстояли довольно болезненные для нее обсуждения и компромиссы.

После избрания нового парламента в декабре 2011 г. был утвержден новый состав кабинета министров под руководством Хамади ал-Джебали. В отличие от правительства Кандиля в Египте, состав правительства ал-Джебали оказался более сбалансированным, хотя и в нем, разумеется, преобладали члены победившей на парламентских выборах партии. «Возрождение» контролировало 13 из 29 министерств, включая такие ключевые ведомства, как министерства экономики, внутренних и иностранных дел, а также юстиции (остальные посты были распределены между другими участниками Тройки и беспартийными). Вместе же с другими партиями Тройки Партия Возрождения контролировала большую часть кабинета министров. Примечательно, кстати, что пост главы министерства по религиозным делам достался беспартийному Нуреддину Хадми.

Вскоре в коалиционном правительстве стали назревать противоречия. Одним из камней преткновения стало поощрение Партией возрождения «салафитских» движений. Уже в первые месяцы работы нового парламента и кабинета были легализованы такие движения, как Фронт реформы, Партия освобождения (Хизб ат-Тахрир), Партия

самобытности и Партия благодетели. Хотя Партия освобождения отвергала и отвергла политическое участие, все четыре движения отказались на словах от насильственных методов борьбы и выразили лояльность Тройке (Koch, 2014, 9). Между тем, отсутствие явного осуждения Партией возрождения участившихся акций насилия со стороны ряда «салафитских» групп стало вызывать у других участников Тройки раздражение и сомнение в целесообразности политической поддержки этих движений.

Раздражение усугубилось в связи с обсуждением проекта основного закона в составе Конституционной ассамблеи Туниса. Несмотря на то, что представители Тройки заняли в КА около 53% мест (из них 37% — у Партии возрождения), то есть большинство, работа по выработке взаимоприемлемого варианта конституции проходила в напряженной обстановке, в условиях периодических провокаций со стороны консервативных и радикальных исламских групп. Эти провокации участились в связи с заявлением Рашида ал-Ганнуши о том, что его партия не будет выступать за то, чтобы в новой конституции шариат был объявлен единственным источником законодательства. Это вызвало недовольство ряда салафитских лидеров и движений. Разошлись участники КА и различные группы тунисского общества и по «женскому вопросу». В проекте конституции ст. 2.28 должна была звучать так: «Государство гарантирует защиту прав женщин и будет поддерживать их с учетом того, что женщины являются полноправными партнерами мужчин в развитии страны, а их роли в семье является взаимодополняющими» (Draft of the Constitution, 2012). В интернете вскоре появилась петиция, около 8 тыс. подписантов которой осудили определение общественного положения женщины через положение мужчины и требовали «равноправия полов» (Кашина, 2012). Введение этой статьи в конституцию связывалось оппонентами с влиянием Партии возрождения и их союзников среди «салафитов».

Вместе с тем, сама партия безуспешно балансировала между своими светскими и исламскими союзниками. Премьер-министр ал-Джебали попытался задобрить «салафитов», призвав политические силы страны подготовиться к их постепенному включению в политическую систему (Быстров, 2012). Это уже не понравилось соратникам Партии возрождения по Тройке, и внутри правящей коалиции стали назревать серьезные разногласия. Попытки Партии возрождения угодить всем привели ее в итоге к кризису власти, усугубившемуся на фоне экономической ситуации в стране. В феврале 2013 г. ал-Джебали подал в отставку, а неспособность его кабинета вывести страну из затяжного экономического кризиса обернулась частичной потерей доверия прежде всего к Партии возрождения, несмотря на то, что в последнее время между ал-Джебали и ал-Ганнуши тоже назревали серьезные противоречия. На смену ал-Джебали пришел другой член Партии возрождения — Али Лаараед. Он был вынужден пойти на уступки и несколько «почистить» правительство от своих однопартийцев: в новом составе кабинета министров за ними осталось 10 постов, при этом ключевые ведомства — иностранных и внутренних дел, а также обороны — достались беспартийным чиновникам.

Несмотря на предпринятые меры, популярность правительства в Тунисе падала, как и доверие к власти Партии возрождения. Причины для недовольства были прежними: отсутствие эффективных антикризисных мер в тунисской экономике, подавление оппозиционного движения в стране, снижение уровня безопасности и разгул преступных вооруженных групп (Алексеев, 2013). В отличие от Египта, где недовольство оппозиции оседлали военные, которые в итоге и отстранили от власти исламистов, в Тунисе кризис власти исламистов решился конституционным путем — через выборы.

В январе 2014 г., наконец, была принята новая тунисская конституция, где «женский вопрос», а также ряд других противоречий, были в целом решены в духе светской трактовки. В целом, конституция не отразила усиление роли ислама, не говоря уже о шариате. Такая ее версия вызвала отторжение у «салафитов» и спровоцировала новую волну уличной агрессии со стороны ряда религиозно-консервативных групп. В этих условиях престиж Партии возрождения, не без попустительства которой несколько лет назад эти группы расцвели пышным цветом по стране, казался непоправимо нарушенным. Между тем, парламентские выборы 2014 г. показали, что, хотя партия так до конца и не вышла из кризиса, все же ее рано списывать со счетов. По итогам выборов она завоевала около 28% голосов, а в парламенте сформировала вторую по численности депутатскую фракцию, заняв почти треть мест. Первое место — у светской Партии призыва Туниса (*Нида Тунис*). И все же это нельзя считать провалом Партии возрождения: несмотря на все перипетии, ей удалось удержаться на волне, в отличие от египетских «Братьев-мусульман».

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

После того, как Бен Али и Хосни Мубарак покинули посты президентов и были сняты ограничения на деятельность исламских движений и партий, именно исламисты оказались наиболее популярными и сплоченными политическими силами. В обоих государствах они пришли к власти конституционным путем на волне революционных настроений, подогретых недовольством «засидевшимися» у власти политиками. В Египте «Братьям-мусульманам» удалось не только сформировать крупнейшую парламентскую фракцию, но и установить контроль над исполнительной властью, добившись победы на президентских выборах кандидата-исламиста. В Тунисе Партия возрождения также стала крупнейшей парламентской фракцией, благодаря чему могла также контролировать большую часть кабинета министров.

Несколько отличался только спектр исламизма в обоих государствах: если в Египте исламских партий было несколько, и все они представляли различные группы и течения — от «ихванистов» до «салафитов» и суфиев, то в Тунисе вплоть до формирования нового состава парламента была зарегистрирована только одна исламская партия.

Тем не менее, взаимоотношения исламистов в обоих государствах были довольно сложными. В Египте у крупнейшего исламского движения — «Братьев-мусульман» — в итоге так и не оказалось среди них надежных союзников. Отпочковавшиеся от него партии и группы предпочли дистанцироваться от бывших товарищей по политической борьбе и примкнули к преимущественно светским партиям. Кроме того, возникла целая группа небольших партий «салафитского» толка, которые в большей степени руководствовались прагматическими, нежели идеологическими соображениями при выборе политических союзников: когда им это было выгодно, поддерживали «Братьев-мусульман», а когда нет — выступали против них. Суфийский фактор в египетской политике тоже стал явлением нового порядка. И хотя суфийские партии не оказали значительного влияния на политический процесс в Египте в эти годы, само их появление является важным: суфии, которых традиционно считали аполитичными, не пожелали сидеть сложа руки, наблюдая, как набирают влияние «салафиты». В Тунисе же политическое положение движения «Возрождение» оказалось более выигрышным в политическом плане, нежели у других исламистов — те попросту оказались исключенными из выборов. Балансирование Пар-

тии возрождения между светскими союзниками и «салафитами» в итоге привело к ее ссоре со всеми. И хотя эта партия, в отличие от египетских «Братьев-мусульман», до сих пор входит в тунисский парламент, ее отношения с «салафитами» по-прежнему можно охарактеризовать как напряженные и неприязненные. Таким образом, ни в Египте, ни в Тунисе крупнейшим исламским движениям не удалось создать широкую политическую коалицию с «новыми» исламистами.

Это стало одной из причин того, что ни в одном случае исламисты не смогли стать доминирующей политической силой и, соответственно, оказать решающее влияние на формирование новых государственных реалий в Египте и Тунисе после «арабской весны». В Египте движение «Братья-мусульмане» вообще было запрещено и распущено, а остальные исламские партии и движения постепенно отошли в тень. В нынешнем составе египетского парламента, который был избран в 2015 г., исламисты занимают всего 11 из 596 депутатских мест и представлены единственной в своем роде Партией света. В тунисский парламент нового созыва, кроме Партии возрождения, новые исламские партии не прошли вообще. В обоих государствах в итоге победили по сути «светские» варианты конституций, хотя тунисская конституция-2014 была разработана с участием исламистов, а египетская конституция-2014 — практически без.

С избранием в Египте президента Абдель Фаттах ас-Сиси в мае 2014 года и в Тунисе нового состава парламента и президента Беджи Каида ас-Себси в декабре того же года закончился непродолжительный период господства исламистов в политике этих стран. Между тем, в отличие от египетских исламистов, их тунисские коллеги еще сохраняют рычаги влияния на власть и могут попытаться взять реванш.

REFERENCES

- Alekseyev A. (2013, March 15). *Tunisia: The perspectives are shadowed*. Retrieved from Institut Blizhnego Vostoka website: <http://www.iimes.ru/?p=17021>. (in Russian)
- Al-Nazif A. (2013, April 12). Al-Kharita al-salafiyya fi Tunis ba'd al-thawra. Retrieved from *Al Arabiya* website: <http://www.alarabiya.net/ar/north-africa/tunisia/2013/04/12/قطر-اخلا-ة-ورثال-ادع-ب-سنوت-ي-ف-ة-يفلسل>.html (in Arabic)
- Ashour O. (2009). *The De-Radicalization of Jihadists: Transforming Armed Islamist Movements*.
- Bystrov A. (2012, August 28). *Tunisia: The disagreements in the ruling coalition*. Retrieved from Institut Blizhnego Vostoka website: <http://www.iimes.ru/?p=15394>. (in Russian)
- Draft of the Constitution of the Republic of Tunisia* (2012). Retrieved from: http://www.constitutionnet.org/files/2012.08.14_-_draft_constitution_english.pdf.
- Halawa O. (2012, December 12). Despite apparent support for Morsy, Salafis are divided over constitution. Retrieved from *Egypt Independent* website: <http://www.egyptindependent.com/news/despite-apparent-support-morsy-salafis-are-divided-over-constitution>
- Hizb al-wasat yahsul 'ala al-shar'iyya wa yusharik fih aqbat (2011, March 2). Retrieved from *Al-Aqbat Muttahidun*: <http://www.copts-united.com/Article.php?I=730&A=31974> (in Arabic)
- Kashina A. (2012, September 28). *The situation in Tunisia: August 2012*. Retrieved from Institut Blizhnego Vostoka website: <http://www.iimes.ru/?p=15683> (in Russian)
- Koch R. (2014, April). *Islam and Politics in Tunisia*. Retrieved from Islam and Politics in a Changing Middle East website: http://www.sciencespo.fr/psia/sites/sciencespo.fr/psia/files/KOCH_Rebecca.pdf.
- Mahzab I. (2011, November 18). Djuzur al-salafiyya fi Misr. Retrieved from Al Jazeera website: <http://www.aljazeera.net/news/reportsandinterviews/2011/11/18/سنوت-ي-ف-ة-يفلسل-اروذج>
- Marks M. (2012, September 28). Who are Tunisia's Salafis? Retrieved from Foreign Policy website: <http://foreignpolicy.com/2012/09/28/who-are-tunisi-as-salafis>.
- Nass al-dustur al-misri al-jadid 2012. Retrieved from *Jaridat al-shabab* website <http://www.elshaab.org/news/42977/سنوت-ي-ف-ة-يفلسل-اروذج> (in Arabic)
- Salafist Shura Council head calls for dismissal of Egypt's Qandil govt (2012, September 26). Retrieved from *Abram Online* website: <http://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/64/53908/Egypt/Politics-/Salafist-Shura-Council-head-calls-for-dismissal-of.aspx>
- Truettsev K. (2012). The Jasmine Revolution in Tunisia. In *Sistemnyi monitoring globalnykh i regionalnykh riskov. Arabskiy mir posle Arabskoy vesny*. Moskva, 378-399 (in Russian)
- Tsaregorodtseva I. (2014) Muslim groups of Egypt and their political parties before and after the 'Revolution of 25 January'. *Politicheskaya istoriya i analiz*. Preprint WP 14/2014/02. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki. (in Russian)
- Vidyasova M. (2015). Radical Islamist movements in Tunisia. In *Islamskiye radikalniyye dvizheniya na politicheskoy karte sovremennogo mira. Strany Severnoy i Severo-Vostochnoy Afriki* (Eds., pp. 258-281). Moscow. (in Russian)
- Wickham C.R. (2005). *Mobilizing Islam: Religion, Activism and Political Change in Egypt*. NY, Chichester.